
**Русские
поэты**

Русские поэты

О любви

Москва

2 0 1 5

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5
Р89

Самое лучшее, самое любимое — в книгах этой серии

Серия основана в 2001 году

Составитель *Б. Евсеев*

Оформление серии *А. Саукова*

Русские поэты о любви / [сост. Б. Евсеев]. —
Р89 Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (На-
родная поэзия).

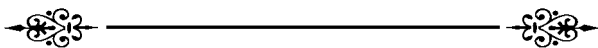
ISBN 978-5-699-84066-3

В этот сборник вошли прекрасные строки о любви, обращенные А. Пушкиным, Ф. Тютчевым, Я. Полонским, Аф. Фетом, Ап. Григорьевым к своим возлюбленным. Многие из этих стихов зазвучали потом в песнях и романах.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5

ISBN 978-5-699-84066-3

© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

ВЕК ЛЮБВИ

Если бы XIX век оставил нам одну только любовную лирику — нужно было бы признать: век удался! Это особенно отчетливо видно теперь, в самом конце века XX. Циники скажут: никакой любви не было тогда и нет теперь! Есть половые отношения и проч. Правда, духовно развитые люди им тут же возражат: мир есть любовь. Сразу же хочется добавить: стих есть любовь. Любовь упрятана в стихе, как росток в зерне. Больше того: любовь и в сознании современного человека, современного россиянина часто все еще связана с ритмом строк, со строфами, с чередующейся рифмой.

В книге — четырнадцать поэтов. Четырнадцать способов говорить о любви. Четырнадцать мелодий, связующих нас с XIX веком. Некоторые из этих четырнадцати поэтов находились в состоянии влюбленности всю жизнь. Другие любили лишь однажды. Но почти всегда любовь русского поэта была и высшей точкой его жизни. Любовь ценилась выше ума, она была нужней морализаторства и рациональной философии, граничила с высоким безумием. Эта любовь терзала ночами, не уходила днем, становилась стержнем и смыслом бытия поэтов.

Век любви начинается с Пушкина. Его лирика переплетается с этим чувством постоянно, резко и страстно. Таковы же вначале и пушкинские влюбленности: краткие, острые, бурные. Полячка Собаньская и графиня Воронцова, Амалия Ризнич и Наталья Оленина — полыхнув яркими зарницами, вскоре погасли. Однако две женщины оставили неизгладимый след в судьбе и в поэзии Пушкина. Это Анна Керн и Наталья Гончарова. И хотя Пушкин в письмах отзывался о Керн слегка пренебрежительно и даже грубовато, а жене своей давал в письме чаще всего светские и хозяйственные наставления — стихи, с этими женщинами связанные («Я помню чудное мгновенье» — это о Керн, «Мадона» — это о Гончаровой), стали недостижимыми вершинами русской поэзии. Это говорит о том, что стихи и от писем, и от прозы весьма отличаются. В стихах может «сказаться» то, чего в здравом уме ни один человек не скажет. Так, может, истина — в стихах?..

Что же до Пушкина, то в конце жизни он стал сдержанней в порывах. Пушкин не остыл, просто понял: увлечения — множественны, любовь — единична.

Тяжелодум и однолюб Дельвиг, увлекшийся одно время взбалмошной Софьей Пономаревой, содержательницей модного салона, любил, кажется, только свою жену — баронессу Дельвиг (урожденную Салтыкову). Правда, любовь его, поначалу светлая, песенная, стала постепенно превращаться в жестокий романс: жена была ветрена и особой взаимностью мужу не отвечала. Чувство утраты единственной люб-

ви, возможно, стало одной из причин ранней смерти Дельвига.

«Певец пиров и грусти томной» Евгений Баратынский¹ любовью тоже не разбрасывался. И хотя в молодости он немало написал о сильфидах и вакханках, о непостоянных красавицах (все о той же Софье Пономаревой, об Аграфене Закревской), после женитьбы стал ценить любовь длительную и верную. Пушкин назвал как-то Баратынского «задумчивым проказником». Баратынский и впрямь много думал. Даже любить и проказить со временем стал он как бы в задумчивости и в полусне. Нельзя обойти вниманием и то, что в его мрачноватых стихах, написанных в 30—40-е годы, как бы предчувствуется и его небывалая смерть от любви: поэт умер в Неаполе, напуганный внезапным нездоровьем жены. Жене (урожденной Анастасии Энгельгардт), у которой глубокомысленный доктор стал внезапно подозревать воспаление мозга, сделалось лучше. А вот разволновавшегося поэта спасти не удалось.

Счастливей был Языков. Его поэзия весьма гармонировала с его радостной и мало чем отягощаемой любовью. Поначалу любовь эта была идиллической — к «музе» Александре Воейковой. Позже — к вполне земной цыганке Тане (Татьяне Дмитриевне Демьяновой), знаменитой тогда певице. Не слишком терзаясь изменами и изредка меняя предмет привязанности,

¹ Существует двойное написание фамилии поэта: Баратынский и Боратынский (*сост.*).

буйный «стихоборец» Языков в любовные пропасти не падал, но, правда, и до вершин волшебного чувства не всегда добирался.

А Федор Тютчев, дважды женатый и много раз влюблявшийся, письма писал чаще всего своей второй жене Эрнестине (урожденной баронессе фон Дёрнберг). Однако любил при этом другую. И это опять говорит о том, что стихи и проза жизни мало в чем сходны. Самая большая любовь Тютчева погибла, к несчастью, не в стихах, а в реальной жизни: Елена Денисьева умерла, оставив поэта до конца дней безутешным. Но в поэзии Тютчева она продолжала зримо присутствовать. Ну, а в конце жизни Федор Иванович все-таки понял, что крепче всего он был привязан к Эрнестине Тютчевой. Иначе как объяснить эти посвященные ей строки:

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

Тяжка была любовная доля «косаря» Кольцова. Отец чуть не силой пытался женить поэта на нелюбимой женщине. Любил же Кольцов крепостную девушку Дуняшу. Ей он посвятил прекрасные стихи «Если встречусь с тобой». Любовь эта была грубо и трагически оборвана. Правда, в конце жизни поэта посетило еще одно сильное чувство: его буквально испепелила страсть к Варваре Лебедевой (Огарковой). Здесь все

точь-в-точь как в кольцовских песнях: то верх блаженства, то беспробудное горе.

Без особой взаимности осталась любовь юного Лермонтова к Наталье Ивановой, а затем и его любовь к Варваре Лопухиной и к Екатерине Сушковой. И хотя он обессмертил их имена и образы в стихах, в повседневной жизни встречи с этими женщинами были скорей терзающими и ранящими, чем приятными, и кончались, как это часто и случалось у Лермонтова, «горечью и злостью».

Яков Полонский все больше живописал любовь экзотическую: то тифлисскую, «авлабарскую», то вольную, цыганскую. Но уже будучи признанным мэтром «чистого искусства», он вдруг посвящает Чехову удивительное стихотворение «У двери», где жажда реальной, а не придуманной любви внезапно вспыхивает в семидесятилетнем старце с новой силой.

Олимпиец и классицист Аполлон Майков и к любви относился по-олимпийски. Однако между историческими картинами Греции и раннего славянства, слегка разбавленными любовными сценами, вдруг да и прорвется тонкая нота иной любви: земной, сиюминутной, весенней, нежной. И здесь предмет нежности — жена поэта.

А вот Аполлон Григорьев был в любви явно несчастлив. Особенно в конце жизни. Еще в 1851 году Григорьев близко сошелся с семьей одного из своих коллег по Воспитательному дому (там Григорьев преподавал словесность). Аполлон Александрович, тогда уже человек солидный, семейный, влюбился без памяти

в одну из дочерей своего коллеги. Звали ее Леонида Визард. Она была изящна, талантлива, умна. Но по характеру эта девушка была очень сдержанной. Григорьев даже в сердцах называл Леониду Яковлевну, имевшую черные, как у цыганки, волосы, пуританкой. В 1857 году Леонида вышла замуж за инженер-поручика М.Н. Владыкина. Счастье поэта было разрушено. Не об этом ли погибшем счастье — залихватски тоскующая «Цыганская венгерка»? Во всяком случае, некоторые исследователи ясно видят профиль Леонида меж строк этой знаменитой вещи.

Наибольшее количество стихов о любви, и, пожалуй, наивысшего качества, написано в XIX веке Афанасием Фетом. Многие из них связаны с биографией поэта. Долго удивлялись и современники, и читатели более позднего времени его стихотворению «Здесь человек сгорел...». А ведь речь шла о конкретной, сгоревшей в натуральном, а отнюдь не поэтическом огне женщине. Дочь мелкого херсонского помещика Мария Лазич, возлюбленная поэта, зная, что им никогда не соединиться, по неосторожности, а может, и умышленно сожгла себя.

В 1857 году Фет женился на дочери богатейшего торговца чаем Боткина — М. П. Боткиной. Мария Павловна не была красавицей, она пережила какой-то неудачный роман, что, возможно, и сблизило ее с Фетом. Стихи о любви потекли у Афанасия Афанасьевича рекой. Кстати, последнее стихотворение о любви написано шестидесятилетним поэтом!

Толстый и отдышливый Апухтин меньше всего походил на певца любви. Однако стихи его чрезвычайно мелодичны, что сразу же оценил такой чуткий слушатель, как Петр Ильич Чайковский. В кружке Апухтина царил культ певицы Панаевой-Карцовой. Неразделенная любовь к ней прошла через всю жизнь поэта. От этой неразделенности — надрыв и слезы, но от нее же — и поэтично-романсовые высоты, взятые Апухтиным.

Много счастливей в любви был граф Алексей Константинович Толстой. Его любовная лирика посвящена в основном жене Софье Андреевне. Это о ней — знаменитое стихотворение «Средь шумного бала...». В стихотворении все точно, все непридуманно. Софья Андреевна Миллер была замужем за нелюбимым ею кавалергардом Л. Ф. Миллером, а до этого пережила драматическое увлечение поэтом Вяземским. Встреча с Толстым стала решающей в судьбе Софьи Андреевны. И встреча эта произошла как раз на том самом балу. Бал все и решил.

Великий князь Константин Константинович Романов, писавший под псевдонимом К.Р., был крупным государственным деятелем, флотоводцем, академиком. А потому частную жизнь свою весьма тщательно скрывал. Но в стихах его (как, впрочем, и в дневниках) все же прорывалась привязанность к любимым женщинам. А стихи к невесте-принцессе поражают нежностью и вовсе не великокняжеским пылом.

Век любви закончился ровно сто лет назад. Но великий роман в стихах, роман о всепоглощающем чувст-

ве звучит в песнях, в романсах, считывается со страниц книг, журналов и доньне. Потому что музыка любви, помноженная на музыку стиха, — это лучшая музыка, которая когда-нибудь разносилась над просторами России.

Борис Есеев

*Твои лобзанья
мне слаще мирра
и вина*

А. С. Пушкин. Гравюра Т. Райта. 1836—1837 гг.

Александр Сергеевич Пушкин

1799—1837

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда тихая лелеет;
Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
И с ней увянут жизни розы.
Но я, любовью позабыт,
Любви не позабуду слезы!

1816